ASSASSIN'S
CREED

КНИГИ ОЛИВЕРА БОУДЕНА

РЕНЕССАНС

БРАТСТВО

ТАЙНЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

ОТКРОВЕНИЯ

ОТВЕРЖЕННЫЙ

ОЛИВЕР БОУДЕН

ASSASSIN'S CREED

ОТВЕРЖЕННЫЙ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 86

Oliver Bowden
ASSASSIN'S CREED: FORSAKEN

© 2018 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved.
Assassin's Creed, Ubisoft and the Ubisoft logo are registered
or unregistered trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S.
and/or other countries.

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Виктории Манацковой

Выражаем признательность Данису Кучину
за деятельное участие в подготовке книги.

ISBN 978-5-389-11847-8

Пролог

Я ведь не знал его. Совсем не знал. Только думал, что знаю. Но когда прочитал его дневник, понял: я ведь так и не разобрался в этом человеке. Теперь уже слишком поздно. Слишком поздно признаваться в том, что я его недооценивал. Слишком поздно просить у него прощения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ХЭЙТЕМА КЕНУЭЯ

6 декабря 1735 г.

I

Два дня назад мы должны были отмечать мой десятый день рождения в нашем лондонском доме на площади Королевы Анны, но события, обрушившиеся на нас, заставили забыть о торжествах. Вместо торжеств — похороны. Наш сгоревший дом теперь был похож на почерневший гнилой зуб в ряду опрятных белокаменных особняков, что окружали площадь.

Сейчас мы живем в Блумсбери, в одном из отцовских поместий. И хотя нашей семье нанесен непоправимый урон, а жизнь каждого из нас навсегда выбита из привычной колеи, нам есть за что быть благодарными. Здесь мы останемся, пока не прояснится наша дальнейшая судьба. Совсем как неугомонные души в преддверии ада.

Все мои прежние дневники погибли в огне, и потому, начиная этот, я испытываю ощущение, будто впервые берусь за перо. А раз так, следует начать с моего имени. Меня зовут Хэйтем. Имя это арабское. Странный выбор имени для английского мальчишки, который родился в Лондоне и с рождения и до позавчерашнего дня был надежно защищен от грязной изнанки столичной жизни. Из окон нашего дома на площади Королевы Анны были видны туман и дым, висящие

над рекой. Как и все жители города, мы страдали от вони, которая лично мне напоминала запах лошадиного пота. Зато нам не приходилось перешагивать через зловонные ручейки, текущие по канавам от дубильных мастерских и мясных лавок, не говоря уже о кучах конского навоза и человеческого дерьма. Все эти потоки и скопления не только портили воздух, но и являлись рассадниками опасных болезней, вроде дизентерии, холеры, полиомиелита...

— Рот, мастер Хэйтем, следует держать закрытым, иначе туда заберется проказа.

Во время прогулок по полям под Хампстедом мои няньки зорко следили за тем, чтобы я не подошел слишком близко к какому-нибудь кашляющему бедолаге, и прикрывали мне глаза при встрече с ребенком-калекой. Больше всего няньки боялись заразных болезней. Мне думается, их страх был вызван тем, что с этим неумолимым врагом невозможно договориться, его нельзя подкупить или победить силой оружия. Болезнь не уважает ни богатства, ни положения человека в обществе.

Разумеется, болезнь нападает без предупреждения. Поэтому каждый вечер няньки проверяли меня на наличие симптомов кори или ветрянки, после чего сообщали моей матери, что я нахожусь в добром здравии, и та приходила поцеловать меня и пожелать спокойной ночи. Как видите, я принадлежал к числу счастливчиков: у меня была мать, целовавшая меня на ночь. У меня был отец, тоже не скупившийся на ласки. Он любил меня и мою сводную сестру Дженни. Отец рассказывал мне о богачах и бедняках. Он внушал мне веру в удачу и везение. Отец говорил, что я всегда должен думать о других. Он нанимал мне нянек и учителей, чтобы со временем из меня получился достойный человек, представляющий несомненную ценность для

этого мира. Счастливый человек. Словом, меня ждала судьба, недостижимая для моих сверстников, вынужденных гнуть спину на полях и фабриках.

Правда, иногда я думал: а есть ли у тех, других ребят друзья? И хотя я бы ни за что не согласился поменяться с ними местами, я завидовал им в том, что у них есть друзья. У меня друзей не было, как не было братьев и сестер одного или почти одного возраста с моим. А попытаться завести друзей самому мне мешала застенчивость. Существовало и еще некое обстоятельство, о котором я узнал достаточно рано — мне не было тогда и шести.

Дома на площади Королевы Анны стояли весьма близко, и потому мы часто видели соседей либо на самой площади, либо на задних дворах их особняков. Рядом с нами жила семья с четырьмя дочерьми, две из которых были примерно одного со мной возраста. Целыми днями они прыгали или играли в жмурки у себя в саду. Я слышал их крики и веселый смех. Сам я в это время сидел в классной комнате под бдительным взором моего учителя, старины мистера Фейлинга. У него были кустистые седые брови и привычка ковырять в носу. Все извлеченное из недр собственных ноздрей он внимательно разглядывал, а потом тайком поедал.

И вот однажды старине Фейлингу понадобилось отлучиться. Я дождался, пока стихнут его шаги, затем поднял голову от столбиков цифр и выглянул в окно, которое как раз выходило в соседский сад.

Имен девчонок я не знал, а знал лишь их фамилию — Доусоны. Мистер Доусон был членом парламента. Так говорил мой отец, пряча хмурую усмешку. Их сад был обнесен высоким забором, однако даже деревья в полном цвету не могли скрыть его от моего взора. Оставшись один, я прильнул к окну и увидел

всех четырех сестер. Сегодня они сменили надоевшие жмурки на «классики» и расчерчивали палками землю на квадраты. Затем старшие сестры взялись учить младших премудростям игры. В воздухе мелькали их косички и розовые платья. Сестры визжали и смеялись. Иногда, когда веселье становилось слишком бурным, из-за деревьев раздавался недовольный женский голос.

Забыв про арифметические примеры, я следил за игрой сестер Доусон. И вдруг, словно *почувствовав*, что за ней наблюдают, одна из младших девчонок задрала голову и увидела меня в окне. Наши глаза встретились.

Я шумно глотнул воздуха, а затем очень робко поднял руку и помахал соседке. К моему удивлению, девочка широко улыбнулась. Она тут же окликнула сестер. Вскоре все четверо, прикрывая глаза от солнца, смотрели на окно моей классной комнаты. В тот момент я походил на музейный экспонат — машущий рукой и слегка покрасневший от смущения. Незнакомое тепло будто разлилось по всему моему телу. Наверное, то было ощущение зарождающейся дружбы.

Однако это приятное чувство тут же исчезло, как только из-за деревьев вышла нянька. Она сердито поглядела на мое окно и наверняка про себя решила, что я любитель подглядывать, потому что тут же увела сестер в другой конец сада.

Взгляд, которым наградила меня нянька сестер Доусон, я ловил на себе и прежде, и после; на площади и в полях Хампстеда. Помните, как мои няньки оберегали меня от бродяг и калек? Точно так же другие няньки оберегали своих детей от меня. Я никогда не задумывался о причинах такого поведения. Сам даже не знаю почему.

2

Когда мне исполнилось шесть, няня Эдит принесла мне сверток, в котором лежала новая, свежевыглаженная одежда, а также башмаки с серебряными пряжками.

Вскоре я вышел из-за ширмы, сверкая пряжками начищенных туфель. На мне были жилетка и сюртук. Эдит позвала служанок, и те сказали, что я — точная копия моего отца. Естественно, ради этого все и затевалось.

Чуть позже пришли родители. Могу поклясться, что у отца слегка увлажнились глаза. Мама не стала сдерживать чувств и расплакалась прямо в детской, утирая слезы ладонью, пока Эдит не подала ей носовой платок.

Я стоял с пылающими щеками, сознавая себя взрослым и образованным. Интересно, если бы сестры Доусон увидели меня в новой одежде, кем бы я им показался? Хотелось бы думать, что джентльменом. Я часто думал о них. Иногда я мельком видел их в окно, когда девчонки бегали по саду или их гуськом вели в карету, ожидавшую напротив дома. Мне казалось, что пару раз кто-то из них поднимал голову и видел в окне меня. Только уже не было ни улыбок, ни приветственных жестов. Лишь то же неодобрение в глазах, что у их няньки когда-то. Словно презрительное отношение ко мне передалось сестрам Доусон как некое тайное знание.

Итак, по одну сторону от нас жили недосягаемые Доусоны со всеми их жмурками, прыжками и пляшущими косичками, а по другую — Барретты. У тех было восемь детей — сыновей и дочерей, но и это семейство, как и сестер Доусон, я видел лишь издали, когда

они садились в кареты или гуляли по полям. В один из дней (мне тогда недавно исполнилось восемь) я бродил по нашему саду, ведя палкой по обветшалой стене из красного кирпича. Стена была довольно высокой. Иногда я останавливался и все той же палкой переворачивал камни, из-под которых выскакивали и пускались наутек мокрицы и многоножки. А вот черви не спешили. Они извивались своими длинными телами, словно потягиваясь после спячки. Так я оказался возле двери, открывающейся в проход между нашим домом и домом Барреттов.

Тяжелая дверь была заперта на огромный ржавый замок, которым, похоже, не пользовались уже много лет. Я стал разглядывать замок, когда вдруг раздался громкий, настойчивый мальчишеский шепот:

— Эй, послушай! Что про твоего отца говорят — это правда?

Шептали с другой стороны двери, хотя я не сразу это понял, пережив мгновение неподдельного страха. Потом я едва не подпрыгнул, когда заметил немигающий глаз, следящий за мной через узкую щель.

— Ты давай не молчи, а то меня сейчас хватятся. Так это правда, что про твоего отца говорят?

Успокоившись, я нагнулся к щели и спросил:

— Кто ты?

— Том. Я живу по соседству.

Это имя было мне знакомо. Так звали самого младшего из детей Барреттов, моего ровесника. Я слышал, как взрослые окликали его.

— А ты кто? — спросил Том. — Тебя как зовут?

— Хэйтем, — ответил я и подумал: «Может, этот Том станет моим другом?» Его глаз смотрел вполне дружелюбно.

— Странное у тебя имя.

— Арабское. В переводе означает «молодой орел».

— Что ж, это кое-что проясняет.

— Что именно?

— Не знаю. Просто. А ты что, один живешь?

— У меня еще сестра есть, — ответил я. — И отец с матерью.

— Маленькая у вас семья.

Я кивнул.

— Так все-таки это правда или нет? — допытывался Том. — Твой отец — он такой, как про него говорят? И не вздумай мне врать. Я твои глаза вижу и сразу пойму, если соврешь.

— Я не собираюсь тебе врать. Я просто не знаю, что́ говорят про моего отца и кто именно говорит.

Пока я произносил эти слова, у меня возникло странное и не слишком приятное ощущение, будто где-то существовало представление о том, что́ считать «нормальным», и что мы — семья Кенуэй — в него не вписывались.

Наверное, владелец проницательного глаза что-то услышал в моем голосе, поскольку спешно добавил:

— Ты меня извини. Извини, если я брякнул что-то не то. Мне просто любопытно, только и всего. Понимаешь, ходят слухи, и будет здорово, если они окажутся правдой...

— Какие слухи?

— Тебе они покажутся глупыми.

Осмелев, я приблизился к щели так, что и Том теперь видел только один мой глаз.

— Почему глупыми? Что вообще говорят про моего отца?

Глаз заморгал.

— Говорят, будто раньше он был...

Наш разговор прервал шум, послышавшийся со стороны Тома. Следом раздался сердитый мужской голос:

— Томас!

Обладатель глаза испуганно отпрянул.

— Вот черт! — выругался он. — Мне пора. Надеюсь, мы с тобой еще встретимся?

Я не успел ответить на его вопрос. Том убежал, оставив меня недоумевать. Какие слухи? Что окружающие говорили о нас, о нашей маленькой семье?

И тут я вспомнил, что и мне пора. Близился полдень — время урока боевых искусств.

7 декабря 1735 г.

I

Я чувствую себя невидимым, как будто застрял между прошлым и будущим. Взрослые, что окружают меня, ведут разговоры вполголоса. Лица у всех печальные, женщины плачут. Разумеется, в каминах поддерживают огонь, но почему-то дом (вернее, то, что от него осталось) кажется пустым и холодным. Нас совсем горстка. Снаружи начал падать снег, а внутри властвует скорбь, которая, словно мороз, пробирает до костей.

Мне особо нечем заняться, поэтому я пишу в свой дневник. Сегодня я думал закончить описание предыдущих лет моей жизни, но оказалось, что мне есть что рассказать. К тому же некоторые дела требуют моего присутствия. Похороны. Сегодня мы хороним Эдит.

— Вы уверены, мастер Хэйтем? — некоторое время назад спросила меня Бетти.

Лоб у нее в морщинах, глаза усталые. Много лет (точнее, сколько я себя помню) она помогала Эдит. Для Бетти это такая же утрата, как и для меня.

— Да, Бетти, уверен.

На мне, как всегда, был костюм, к которому сегодня добавился черный галстук. Эдит была одинока в этом мире. Такое же одиночество ощущали уцелев-

шие члены семьи Кенуэй и слуги. Мы собрались внизу для скромной поминальной трапезы: ветчина, эль и хлеб. Когда она закончилась, сотрудники похоронного бюро, успевшие глотнуть горячительного, погрузили тело на дроги и повезли в часовню. Мы расселись по каретам. Их понадобилось всего две. Вернувшись с похорон, я поднялся к себе в комнату и снова взялся за дневник...

2

Прошло два дня со времени моего разговора с глазом Тома Барретта, а у меня в голове по-прежнему звучали его слова. И вот как-то утром, когда мы с Дженни остались в гостиной одни, я решил ее обо всем расспросить.

Дженни была старше меня на тринадцать лет — ей шел двадцать второй год. Общего у меня с ней было не больше, чем с развозчиком угля. Даже меньше, поскольку человек, привозивший нам уголь, как и я, любил посмеяться, а Дженни даже улыбалась редко.

У нее были черные блестящие волосы и темные глаза. Мне они казались сонными, хотя взрослые называли их задумчивыми. Один из поклонников Дженни утверждал, что у нее глаза с поволокой, что бы это ни значило. Вообще взрослые часто обсуждали сестрин внешний вид. Она — девушка редкой красоты, так они говорили.

Может, так оно и было, хотя для меня она была просто Дженни — старшая сестра, так часто отказывавшаяся со мной играть, что я давно уже перестал просить ее об этом. Практически целыми днями она сидела на стуле с высокой спинкой и либо шила, либо вышивала. И хмурилась. Может, это и была та самая поволо-

ка, о которой говорил ее поклонник? По мне, так это просто взгляд исподлобья.

Мы напоминали корабли, которые плавали по водам небольшой гавани, иногда двигаясь рядом, но всегда в разные стороны. У нас с Дженни был общий отец, и она, в силу своего возраста, знала о нем гораздо больше моего. Годами я слышал от сестры, что слишком глуп или слишком мал (или и то и другое вместе), чтобы понять то, о чем спрашиваю. Но я не оставлял попытки завязать с ней разговор — может быть, для того, чтобы позлить ее. Однако в тот раз, спустя пару дней после моего разговора с глазом Тома, я решил поговорить с Дженни, чтобы выяснить, что же сосед имел в виду.

— Что люди о нас говорят? — без обиняков спросил я.

Сестра театрально вздохнула и подняла глаза от рукоделия.

— О чем ты, сопляк? — холодно поинтересовалась она.

— Просто хочу знать, что́ люди о нас говорят.

— Ты о сплетнях?

— Ну да.

— И какое тебе дело до этих сплетен? Ты еще слишком...

— Такое, — перебил я, не дожидаясь, пока Дженни заявит, что я слишком глуп или мал.

— С чего бы вдруг?

— Кто-то что-то сказал, вот и все.

Дженни отложила рукоделие, засунув его под подушку, что лежала у нее в ногах, и поджала губы.

— Кто? Кто говорил и что именно?

— Соседский мальчишка. Он сказал, что наша семья странная, а наш отец...

— Что — наш отец?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Отрывки из дневника Хэйтема Кенуэя 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1747 г. Двенадцать лет спустя 75

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
1753 г. Шесть лет спустя 151

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
1774 г. Шестнадцать лет спустя 345

Эпилог 425

Боуден О.

Б 86 Assassin's Creed. Отверженный : роман / Оливер Боуден ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-389-11847-8

Лондон, 1735-й год. Хэйтема Кенуэя учили боевым искусствам с тех пор, как его детские руки смогли удерживать деревянный меч. Однажды его дом подвергся нападению, вооруженные незнакомцы убили его отца и захватили старшую сестру. Хэйтему удалось защитить мать — единственным способом, который был ему доступен: прикончив одного из незваных гостей.

Лишившись семьи, он попадает под опеку таинственного наставника, который воспитывает из него безупречного убийцу. Хэйтем мечтает о мести и начинает долгие поиски злодеев. Вовлеченный в многовековую вражду между орденами ассасинов и тамплиеров, он сполна познает коварство заговоров и горечь предательства.

Основой для книги послужила популярная компьютерная игра компании «Ubisoft».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ОЛИВЕР БОУДЕН

ASSASSIN'S CREED
ОТВЕРЖЕННЫЙ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Ирина Лебедева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.09.2018. Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:
В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ACR-19874-03-R